

КЛАДЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ФУНКЦИИ АРТЕФАКТОВ И СЕМИОТИКА ДИСКУРСА

Семиотика дискурса – научное направление, которое изучает коммуникацию как процесс семантизации смыслов, иными словами, это – осмысливание текстовых значений в рамках культурного диалога (Бахтин 1979; Барт 1994). Эта идея стала исходной для оформления особой теории дискурса, одной из задач которой является изучение социокультурных, интерактивных сторон общения, т.е. обмена смыслами с помощью текста (Макаров 2003). Исследователи отмечают, что дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, продукт коммуникативного действия, но включающий в себя сразу несколько понятий, прежде всего, привязанность к определенному контексту (жанровому, идеологическому, социальному, культурному и пр.)¹. «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир» (Степанов 1995: 44). Под такое определение подходит достаточно много комп-

лексных социокультурных явлений древности, возникших в процессе целенаправленной деятельности человека, например погребальный ритуал, домостроительство, депонирование наборов вещей в виде клада и пр. Иными словами, то, что производит «говорящий» (автор текста) и в то же время воспринимает «адресат», и есть дискурс, проявляющийся и как процесс, и как результат коммуникативного акта. Поэтому многие дошедшие до нас археологические объекты – если они выступают «текстами» в семиотическом смысле, если таковыми их воспринимали и «автор» и «адресат» – могут быть «искажены», «повреждены», но не лишены смысла. Набор знаков в таком тексте не является случайным, а связи между знаками подчиняются определенным правилам, что и позволяет, в конечном счете, реконструировать поврежденные тексты, чему в археологии имеются достаточно удачные примеры (Ковалевская 1970). Как особый вариант дискурса, вероятно, может быть представлен текст, адресатом которого выступает божество в любой его ипостаси; в эту категорию, по всей видимости, попадают все ритуальные действия имевшие место в древности, как дошедшие до нас в материальном воплощении, в виде тех или иных археологических объектов, так и нематериального свойства.

При таком подходе клады эпохи бронзы (как и ряд других археологических объектов), вероятно, следует рассматривать не как стихийно возникшие комплексы из случайных предметов, спрятанные в период социальных катаклизмов,

¹ Помимо собственно теоретической лингвистики, с исследованием дискурса связаны различные науки и научные направления – литературоведение, семиотика, психология, социология, компьютерная лингвистика, логика, философия, антропология, этнология, историография, юриспруденция, теология, политология педагогика и др. Поэтому применение этого понятия в рамках исследования археологических объектов, на наш взгляд, вполне допустимо.

а как сознательно составленный текст, реконструкция которого возможна на основе реконструкции значения входящих в него знаков и на фоне культурно-исторических реалий. На такой характер кладов указывает, прежде всего, существование определенного ассортимента депонируемых изделий, а ритуальный характер самого процесса депонирования достаточно очевиден. Каждый артефакт в кладе, в таком случае, выступает как определенный знак, а сам клад – не как их простая совокупность, а как взаимосвязанная последовательность знаков, составленная по определенным правилам синтаксиса. Поэтому дискурсивный аспект, выраженный в сочетании в том или ином кладе (как тексте) различных артефактов, имеющих определенные функции, не должен оставаться вне поля зрения исследователей. Клады являются закрытыми комплексами, сознательно составленными человеком, «инвариантное ядро» их в виде достаточно стандартного набора предметов, выделяется на огромной территории, от Казахстана до Центральной Европы. Можно полагать, что депонированные артефакты выступают знаками текста, а функции этих предметов и являются основой дискурса, создавая предпосылки для «культурного диалога» и определяя распространение наборов артефактов во времени и пространстве.

В целом, клады как таковые не являются продуктом одной исторической эпохи, это явление не имеет строгих хронологических рамок, а порой – и морфологических или культурных канонов. Культурно-историческая интерпретация кладов включает в себя достаточно широкий круг вопросов. Наиболее актуальными из них являются проблемы соотношения кладов с выделенными в настоящее время археоло-

гическими культурами, клады как реперы древних миграций, определение состава кладов как знаковой системы ценностей своего времени, сакральное значение кладов и пр. Исходя из ассортимента и количественного состава входящих в них изделий, выделяют различные типы кладов: клады индивидуальных ценностей, клады торговцев, клады сырья (лома), сакральные захоронения (жертвоприношения), комплексы артефактов из богатых разрушенных погребений и пр. В научной литературе неоднократно высказывалось предположение, что распространение традиции кладов связано с проявлением кризисной ситуации в социумах. В то же время, анализируя клады, исследователи приходят к выводу, что такие комплексы следует рассматривать системно, с учетом семиотики и семантики артефактов, его составляющих. Отмечается, что в древних обществах освоение новых территорий (завоевание, покорение) всегда начиналось с ритуала, который символизировал акт мироздания, при этом основным элементом главного ритуала было возведение алтаря, выражением которого и являлись клады (Дзиговский, Островерхов 2010)².

В эпоху средней и поздней бронзы на территории Восточной и Юго-Восточной Европе достаточно распространены клады металлических предметов (оружие, орудия труда, украшения), порой – в сочетании с каменными артефактами (изделиями или литейными формами). В некоторых случаях найденные в кладах вещи не имеют следов употребления, и могли быть предназна-

² Такой подход, к примеру, позволил интерпретировать т.н. «странные клады» раннесарматского времени как святилища, сооружавшиеся при продвижении сарматских племен на запад (Дзиговский, Островерхов 2010).

чены для использования в рамках церемоний или ритуалов. Концентрация большого количества артефактов без следов использования в рамках одного комплекса может быть связана с «торговыми» кладами. Также встречаются в кладах незавершенные или бракованные изделия. С одной стороны, их можно относить к лому и считать такие комплексы «кладами металлургов», а с другой незавершенность действий и актов в рамках ритуалов – достаточно традиционное явление, связанное с понятием цикличности и непрерывности. Достаточно распространенными депозитами являются топоры, тесла, кельты, долота, серпы, наконечники копий, булавки, браслеты, навершия, выполненные из меди/бронзы и помещенные в клады в различном сочетании, порой – формы для их отливки. Гораздо реже аналогичные артефакты выполнены из драгоценных металлов. Состав кладов варьирует в зависимости от культурной принадлежности, отчасти – географического ареала. Так, «клады-сокровища», с утварью, оружием, украшениями из драгоценных металлов, не имеющие утилитарного назначения (инсигнии власти, предметы культа), а также с орнаментированным бронзовым оружием, в основном, соотносятся с Карпато-Дунайским регионом³. Предполагается, что в бронзовом веке «богатые» клады являются в какой-то степени эквивалентами элитных захоронений: установлена обратная корреляция между этими двумя видами памятников. Именно в Карпато-Подунавье отсутствуют в этот период ярко выраженные погребения знати, тем не ме-

³ В то же время здесь, как и во всем ареале распространения кладов, найдены комплексы, в которых обнаружены изделия из меди и/или бронзы, а также литые формы.

нее, здесь, как нигде в Европе, распространены «клады-сокровища», которые могут свидетельствовать о формировании элиты (Дергачев, Бочкарев 2002: 10). Учитывая выявленную семантическую взаимосвязь неординарных кладов и захоронений, отметим существующую точку зрения, что покойник в архаических обществах мог выступать посредником между миром живых и миром мертвых. Мера благополучия коллектива могла считаться пропорциональной количеству и ценности даров, «посылаемых» с умершим, с чем и связано «богатство усопших» (Антонова, Раевский 1984). Характерно, что найденные в кладах изделия имеют полные аналоги и в захоронениях определенных культур.

Напомним, что на ранних этапах использования металлов изделия из него, как правило, функционировали в престижной сфере; среди артефактов преобладали, прежде всего, украшения (около 75% изделий) и вещи парадного облика, в т.ч. оружие, орудия труда (Авилова 2007). Поэтому даже клады изделий из недрагоценных металлов – явление достаточно неординарное и далеко не однозначное. Часть предметов из кладов бесспорно относится исследователями к оружию (проушные топоры, плоские топоры-тесла, наконечники копий, стрел, кинжалы, мечи – как наступательное вооружение, многовитковые наручные браслеты – как защитное). Что касается кельтов, то их трактуют и как орудия труда (Балагури 1985: 485), и как полифункциональные изделия. Считается, что в определенных ситуациях они могли использоваться как орудия труда (рабочие топоры, тесла, мотыги) и как оружие (боевые топоры) – в зависимости от формы и конструкции ручки и, вероятно, необходимости в конкретной ситу-

ации (Клочко 2006: 145).

Совершенствование и разнообразие различных типов вооружения, его парадный облик, применение золота и серебра при изготовлении оружия, наконец, ритуал помещения его в землю, придает определенное значение этим артефактам, отмечая особое отношение к ним в рамках того или иного социума. Клады бронзового века распространяются в период достаточно интенсивных культурных трансформаций и перемещений, зачастую связанных с военной экспансией, утверждением на новых территориях. Со средним бронзовым веком связывается формирование культурного круга Бабино, отмечается, что широкое увеличение ареала бабинской культуры на протяжении раннего этапа до Волги и Днестра можно толковать сквозь призму миграций и/или военных походов (Литвиненко 2009: 25). Складывается культурный блок Сабатиновка-Ноа-Козлодженъ, население составляющих его культур оставило не только значительное количество кладов, но известно и военными походами (Клочко 1990). Часть кладов финала бронзового и начала железного века соотносится с культурами гальштатта. Таким образом, распространение практики создания кладов может быть связано – в определенных ситуациях – и с освоением новых территорий, что было выявлено для более поздних эпох (Дзиговский, Островерхов 2010).

В Европе достаточно обширные торговые сети реконструируются археологами уже начиная с неолитической эпохи, в бронзовом веке сухопутные и водные транспортные артерии связывают обширные территории. Маркерами таких транспортных коммуникаций могут выступать изделия из металла и природных материалов (обсидиан, янтарь), элементы конской упряжи,

крупные могильники, поселения (Отрощенко 1995; Моця, Халиков 1989; Лысенко 2002 и др.).

Исследования последних лет позволили поставить вопрос о существовании трансевразийского «оловянного» пути, пролежавшего от границ современного Казахстана до Центральной Украины. Возникновение его связывают с поздним бронзовым веком, с периодом распространения оловянистых бронз. Реконструируется два направления внутри него: одно из них проходило через Средний Урал до Волго-Камья, где функционировал дербеденевский очаг металлообработки, второе шло южнее Урала через степное Поволжье. Предполагается, что маршруты этих путей маркируют именно клады бронзовых изделий (с востока на запад): Шамши в Средней Азии; Сосновомазинский, Дербеденевский, Ильдеряковский и Кармановский в Волго-Камье; Терешковский на Среднем Дону; Трёхизбенский в Подонцове; Лобойковский, Кабаковский, Благовещенский, Нижнехортицкий и Борисовский в Среднем и Нижнем Поднепровье. Высказывается предположение, что высокому уровню коммуникаций на заключительном этапе поздней бронзы могло способствовать применение лошади для верховой езды, о чём свидетельствует распространение по всей зоне единого типа стержневидных трёхдырчатых псалиев (Куштан 2011: 19-21).

Таким образом, традиция кладов получает распространение в период расширения территории обитания или освоения торговых путей (а не только в период внешней опасности и желания спрятать ценности «до лучших времен»), выступая своеобразным маркером границ ойкумены. Сакрализация подобных границ упоминается и в «Ригведе»: «Этот алтарь – крайняя граница земли, это жертвоприношение – пуп

мира» (I, 164,35).

Деструкцию этого торгового («оловянного») пути на отрезке между Волгой и Днепром датируют в рамках XII–X вв до н.э. Предполагается, что имело место постепенное затухание оловодобычи вследствие разрушения извне экономических связей и путей обмена. Происходило это на фоне процесса распада культурно-исторических общностей позднего бронзового века и становлением новой этнокультурной ситуации в регионе (Куштан 2011: 21). Что касается других ареалов распространения кладов (Предкавказье, Северное Причерноморье, Карпато-Подунавье), то в них эта традиция сохраняется дольше, чем в Волго-Уральском регионе. В Нижнем Подунавье клады связаны и с культурами позднебронзового века, и с культурами гальштатта раннего железного века, хотя хронологические и территориальные диапазоны для разных эпох отличаются (Дергачев 2011: 26–28). Причем депонируются не только изделия из бронзы, но и из железа (Кашуба 2011: 57–58).

Вероятно, депонирование оружия в составе кладов в эту эпоху отражает не столько сокрытие вещей от врага, сколько утверждение их символической и материальной ценности в рамках определенного человеческого коллектива и в определенных исторических реалиях, указывая на роль военной функции в социальной структуре общества. Исследователи отмечают, что именно при вхождении вещей в ритуальный контекст как в некую семиотическую систему, они осознаются знаками, приобретают тот или иной семиотический статус. Семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение символических и утилитарных функций вещи. Он может быть тем выше, чем выше способность вещи символизировать

нечто более важное, чем она сама. При этом семиотический статус одной и той же вещи может существенно меняться во времени, пространстве и культурном контексте, а также зависеть от семиотического пространства, в которое вещь помещена (Байбурин 1981). Несмотря на ярко выраженную «военную направленность» кладов эпохи бронзы, сочетание оружия и производственных артефактов, найденных в составе клада, с одной стороны, не должно удивлять. Наличие готовых вещей (иногда бракованных), литейных форм, остатков литья позволяет предположить, что в них реализуются представления, связанные с металлургией, скорее всего – ее символической, ритуальной стороной. Ремесла в индоевропейских обществах входили в систему, связанную с сакральными представлениями (Байбурин 1990: 15). Особенно высок был социальный статус у кузнецов и металлургов, причем, у разных народов он мог быть с положительным или отрицательным знаком (Иванов, Топоров 1974). В мифах многих народов мира кузнец/металлург не ограничен в своей деятельности рамками обычного кузнечного ремесла и часто выступает как персонаж, наделённый сверхъестественной созидательной силой, связанной с огнём, и обладающий функциями демиурга – верховного божества или же бога – помощника одного из главных богов, культурного героя и (или) предка. Продолжение работы мастера в загробном мире – гарантия стабильности социума, с чем может быть связано выделение в погребальном ритуале захоронений мастеров (Цимиданов 2004: 81–82). Аналогичным образом клад может содержать орудия труда ремесленника (кузнеца/металлурга), изготовленные им вещи, отходы производства, отражая формирование клада в рамках

определенной знаковой системы. При этом орудия труда, связанные с созданием новых вещей, в целом, не снижают семиотический статус клада, где в депозитах доминирует оружие. Напомним, что пантеон Ригведы (восходящий к общеиндоевропейскому) включает в себя и богов-ремесленников⁴.

Из семиотического контекста «военных» или «военно-производственных» кладов эпохи бронзы, в таком случае, должна исключаться довольно представительная категория инвентаря. Это – широко распространенные (а в некоторых кладах доминирующие) серповидные изделия (серпы), традиционно относимые к сельскохозяйственным орудиям, связанным с жатвой. В такой трактовке этих артефактов, они не относятся к орудиям, связанным с ремеслом, т.е. с «актом творения» и «выпадают» из клада как семиотической системы, воплотившейся в конкретном ритуале: трудно себе представить, чтобы статус сельскохозяйственного орудия равнялся статусу боевого. На этот факт исследователи обращали внимание и ранее. Так, В.В. Цимиданов и Э.Е. Кравченко предположили, что часть серпов (в частности, относимые к Кабаковскому типу) могли использоваться как метательное оружие. В то же время клады, содержащие престижные вещи, является следствием усиления лиц, осуществляющих властные функции (Цимиданов, Кравченко 1989: 130-132).

Типологии серпов, их трансформации и распространению на территории Европы посвящены статьи и монографии (Petrescu-Dimbovita

1977; Бочкарев, Дергачев 2002, и др.). Существует точка зрения, что впервые металлические серпы появляются в ареале Циркумпонтийской металлургической провинции (хотя не относятся к характерным для нее изделиям) в Закавказье и на Северном Кавказе. Полагают, что именно с территории этих регионов серпы проникают в дальнейшем на юг Восточной Европы (Chernykh 1992: Fig. 19, 3-4; 42, 11, 12; Дегтярева 2006: 56).

В рамках древностей бронзового века (с конца III – начала II тысячелетия до н.э.) в ареале, охватывающем территорию Восточной и Юго-Восточной Европы, исследователями выделяется четыре независимых центра производства металлических серпов (Дергачев, Бочкарев, 2002: 295). Изделия каждого из этих центров отличается своими особенностями. Серпы отличаются между собой не только по внешнему виду, но и по весу и размеру: от 10 до 35 см длиной, от 20 до 400 гр. весом. Отмечают, что вес изделий уменьшается по мере удаления от источников металла: так, в Среднем Приднепровье распространены серпы весом 20-60 гр., а в Приуралье – 300-400 гр. (Дергачев, Бочкарев 2002: 60).

Самым ранним из них исследователи считают Северокавказский (Прикубанский) центр, для него характерны серпы Костромского типа. Этот тип изделий является наиболее развитым, что объясняется наличием для него более ранних прототипов (рис. 2: 1). Полагают, что таковыми являются серпы куроаракской культуры эпохи ранней бронзы, распространенной в Закавказье и прилегающих районах Ближнего Востока (Армения, Северный Иран), но зародившейся в Передней Азии; этот момент имеет определенное значение в контексте данной работы. В конце эпохи сред-

⁴ Тваштар, бог-творец всех существ и вещей, божественный мастер-кузнец, изготовивший оружие богов. Вишвакарман бог-творец, всевидящий и всезнающий, божественный мастер и строитель.

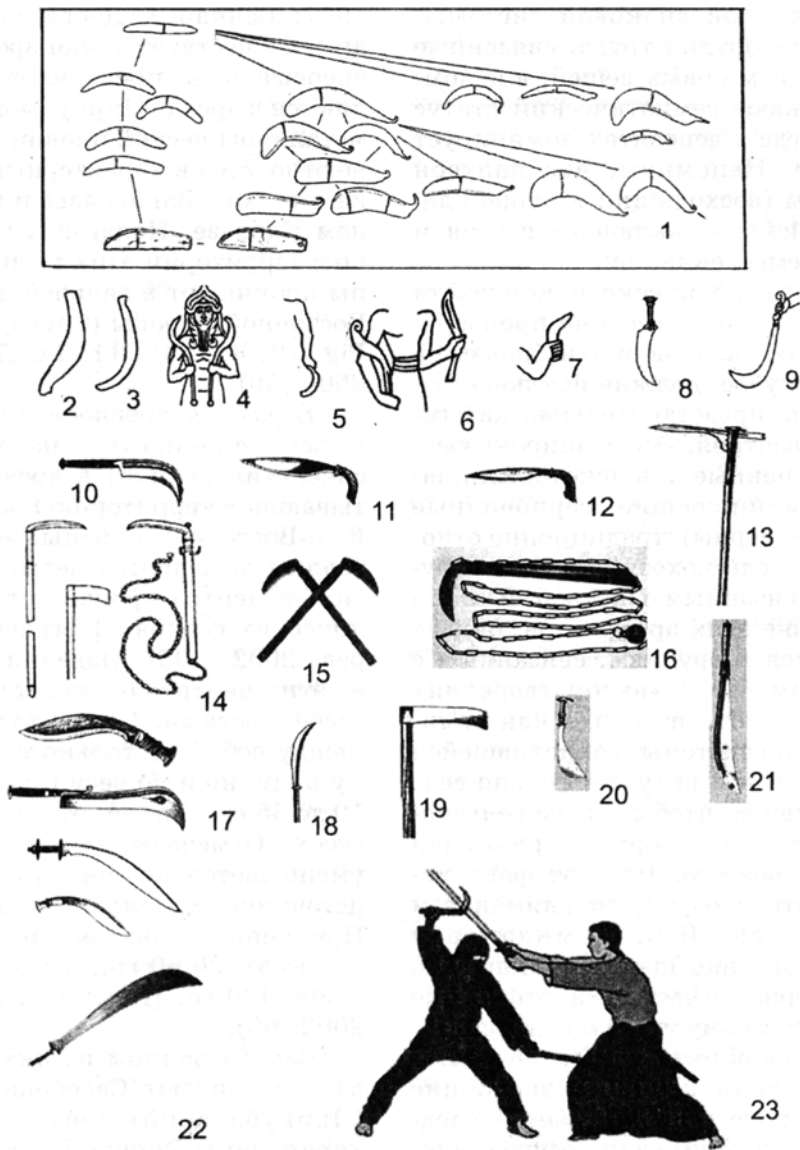

Рис. 1. Серпы Волго-Уральского региона и сходные формы на других территориях:

1 – Типология серпов Волго-Уральского региона; 2, 3 – Киш, Месопотамия, середина III тыс. до н.э.; 4,5 – Вавилония, XVIII-XVII вв до н.э.; 6 – Нгирсу (Телло), XX-XVIII вв до н.э.; 7 – Эбла, Сирия, конец III-начало II тыс. до н.э.; 8 – хопеш, Египет, XIV-XII вв до н.э.; 9 – греческий сосуд V в. до н.э., Ампурий, Египет; 10 – арит (Малайзия); 11 – бадик (Индонезия); 12 – боло (Филиппины); 13 – гэ (Япония); 14-16 – кама, кусари-кама (Япония); 17 – кхури (Непал); 18 – нагината (Япония); 19 – тоэй (Япония); 20 – адъяр катти (Юго-Западная Индия); 21 – рам дао (Непал, северная Индия); 22 – аюдха катти (Индия); 23 – боевой серп кама, Япония (1 – Бочкарев, Дергачев 2002; 2-9 – Горелик, 1993; 10-19, 23 – Трубников, 1997; 20-21 – Краткая энциклопедия оружия; 22 – Музей истории оружия, Запорожье).

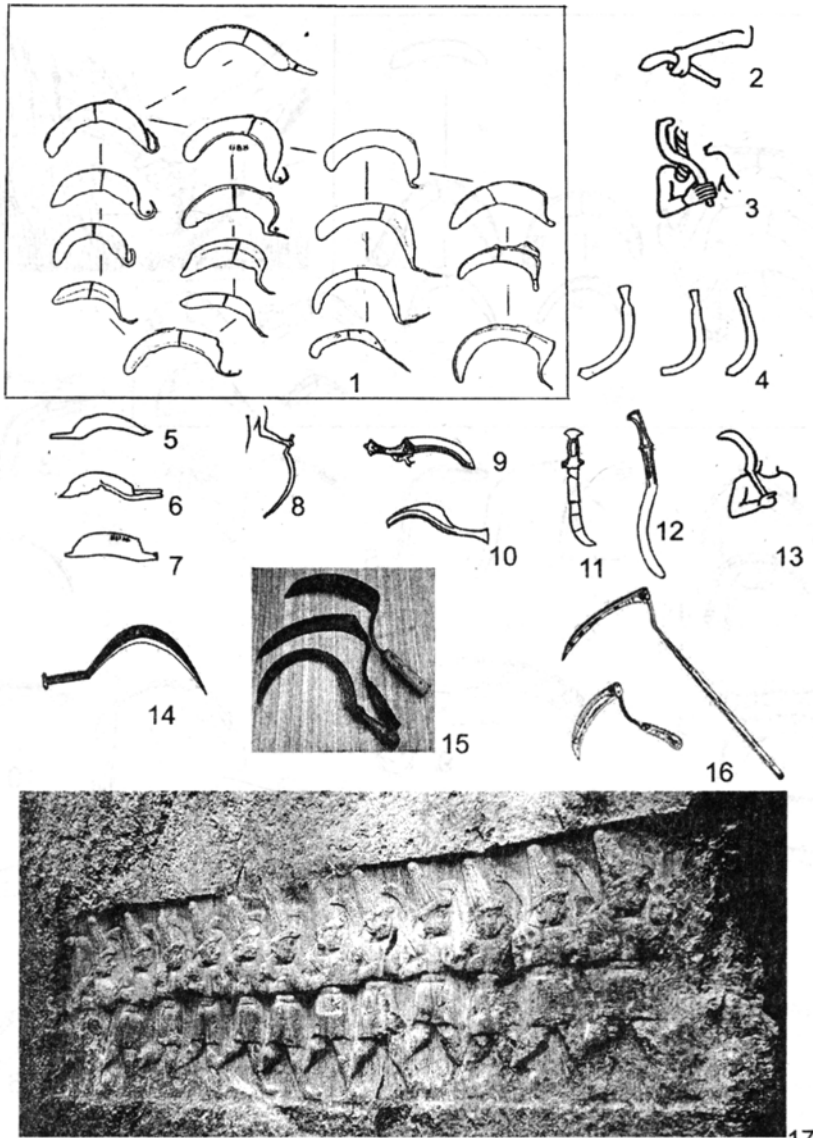

Рис. 2. Серпы Северо-Кавказского региона и сходные формы на других территориях:

- 1 – Типология серпов Северо-Кавказского региона;
 2 – Мари, Месопотамия, середина III тыс. до н.э.; 3 – Нгирсу (Телло) конец III тыс. до н.э.; 4 – Киш, Месопотамия, середина III тыс. до н.э.;
 5-7 – Нуза, Месопотамия, XVI-XV вв до н.э.; 8 – Сирия, Месопотамия, XVI-XV вв до н.э.; 9,10 – хопеш, Египет, XV-XIV вв до н.э.;
 11 – Бен-Шаан, XIII-XII вв до н.э.; 12 – Ассирия, 1307-1275 гг до н.э.;
 13 – Язылыккая, Малая Азия, XIII-XII вв до н.э.; 14 – целурит, Индонезия;
 15,16 – современные варианты серпов и косы;
 17 – Язылыккая, Малая Азия, XIII-XII вв до н.э. •
 (1 – Бочкарев, Дергачев 2002; 2-13 – Горелик, 1993;
 14 – Трубников, 1997; 17 – Вруссе, 2007)

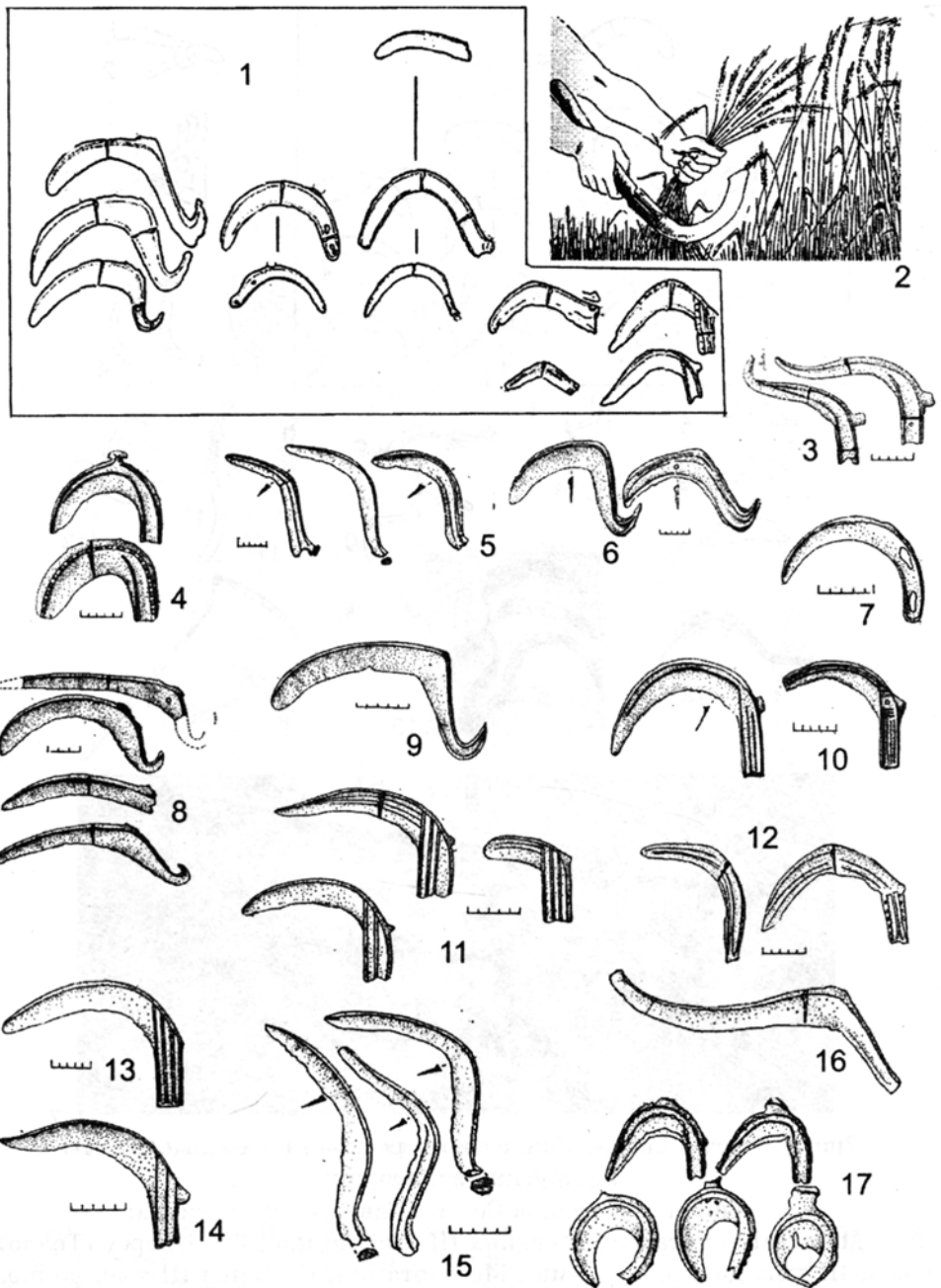

Рис. 3. Серпы Карпато-Дунайского региона:

- 1 – Типология серпов Карпато-Дунайского региона; 2 – серп как жатвенное орудие; 3-17 образцы серпов: 3 – Cenad; 4 – Josani; 5 – Gura Dobrogei; 6 – Mosna; 7 – Ciorani; 8 – Doljesti; 9 – Cornutel; 10 – Beltiug; 11 – Cheseran; 12 – Ajud; 13 – Hunedoara; 14 – Camin; 15 – Constata; 16 – Ulmi; 17 – Salard
(1 – Бочкарев, Дергачев, 2002; 3-17 – Petrescu-Dimbovita 1977)

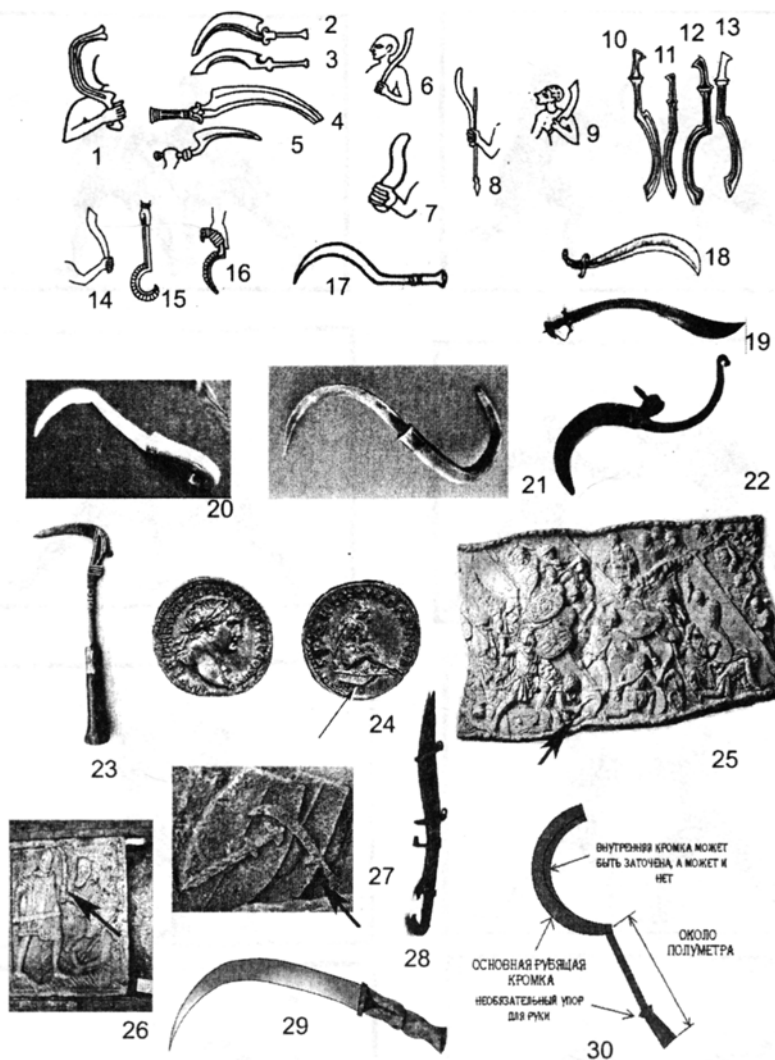
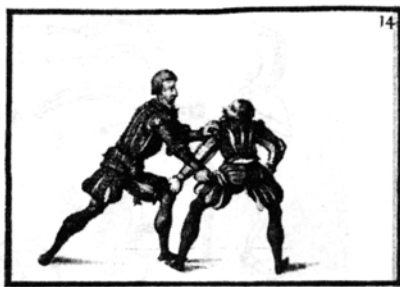

Рис. 4. Боевые серпы и серповидное оружие:

- 1 – Угарит, XIV в до н.э.; 2 – хопеш, Египет, XIV- начало XIII в до н.э.;
 3 – хопеш, Египет, XIII в до н.э.; 4,5 – хопеш, Мединет-Абу, XII в до н.э.;
 6 – Угарит, Рас-Шамра, XIV-XIII в до н.э.; 7 – Эбла, Сирия, конец III – начало
 II тыс. до н.э.; 8 – оружие кочевников «шасу», Мединет-Абу, XII в до н.э.;
 9 – Мегиддо, Палестина, XII вв до н.э.; 10 – Угарит, Рас-Шамра, XIV в до н.э.;
 11, 12 – гробница фараона Тутанхамона, Египет, XIV в до н.э.; 13 – Египет,
 XIII в до н.э.; 14 – Гузана, Телль-Халаф, начало I тыс. до н.э.; 15, 16 – Ассирия,
 IX в до н.э.; 17 – хопеш, Фивы, Египет, XV в до н.э.; 18 – махейра (копис);
 19 – меч экзекуционный с внутренней заточкой лезвия (Индия); 20, 23 – лохар,
 Афганистан; 21 – боевой серп; 22 – складной боевой серп, Индия, XIX в.;
 24 – денарий Траяна; 25 – барельеф на Колонне Траяна, Рим.; 26,27 – метопы
 на Тгораеум Траяни, Констанца; 28 – фальката (Мадрид, Испания); 29 – falx,
 даки (1-17 – Горелик, 1993; 18, 28 – Трубников, 1997; 19,20,22 – Музей
 истории оружия, Запорожье, 21,23 – Tirri, 2003; 24 – Schmitz 2005;
 25 – Cichorius, 1896; 26,27 – Florescu, 1965; 29 – Wilcox, Embleton, 1982).

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 5. Техника ведения боя с помощью боевых косы и серпа:
1-6 – боевой серп, Европа, середина XVI в н.э.;
7,8 – боевая коса, Европа, середина XVI в н.э.
(1-8 – «De arte athletica»).

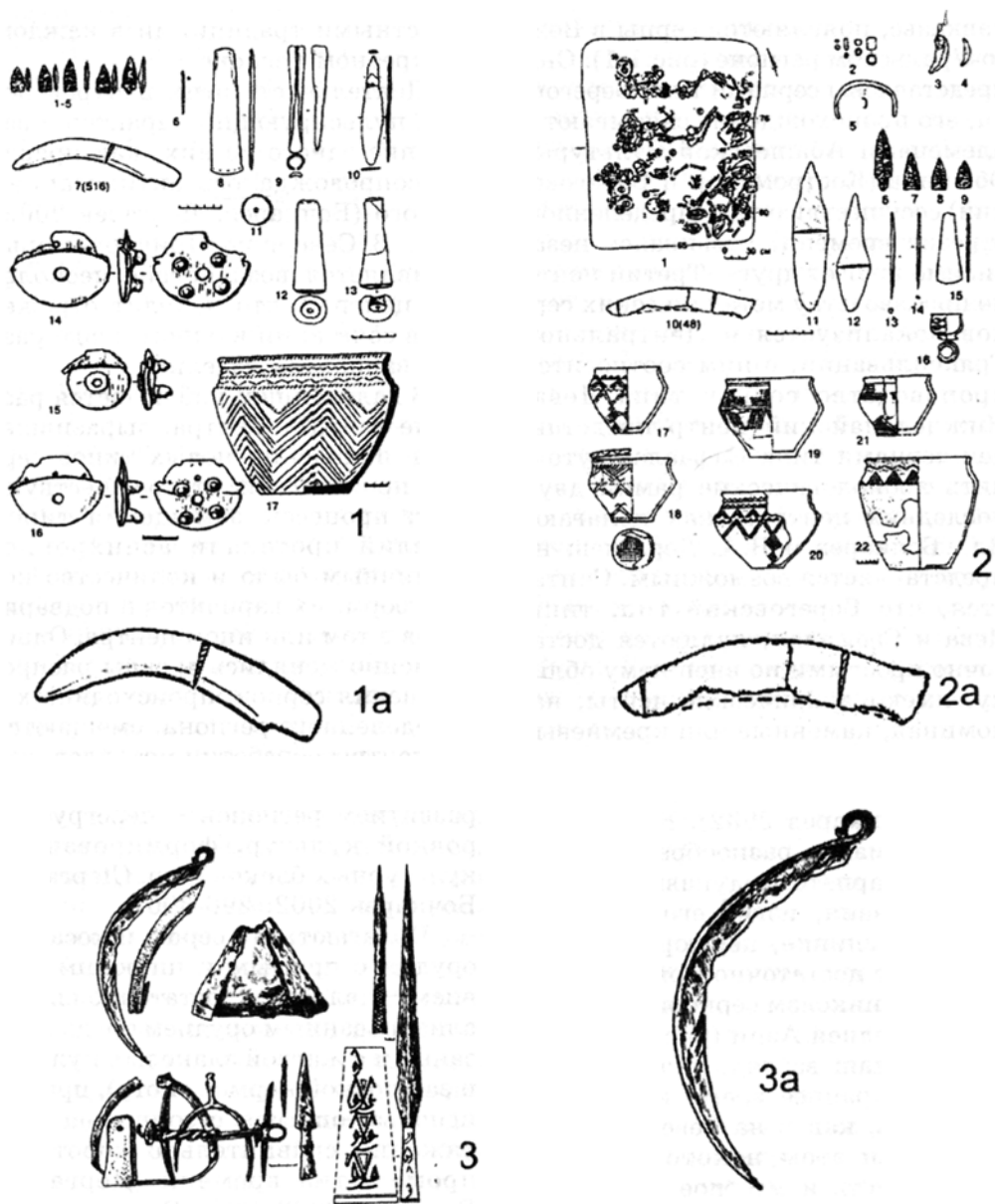

Рис. 6. Погребальные комплексы с серповидным оружием:
 1, 1а – Утевка VI, к.6, п.6; 2,2а – Каменный Амбар V, к. 12, п. 2;
 3,3а – погребение X-XI вв н.э. (Экриттен в Восточной Пруссии)
 (1 – Костюхов, Епимахов, Непин, 1995; 2 – Васильев, Кузнецов, Семенов,
 1992; 3 – Кирпичников, 2009).

ней бронзы, позднее, чем в Предкавказье, появляются серпы в Волго-Уральском регионе (рис.1:1). Они представлены серпами типа Береговка, его происхождение связывают с племенами Абашевской культуры. Оба типа (Костромской и Береговский) сосуществуют на определенном отрезке времени, развиваясь независимо друг от друга. Третий центр по производству металлических серпов локализуется в Центральной Трансильвании, с ним соотносится производство серпов типа Дева. Нижнедунайский центр представлен серпами типа Сафаалан; уточнить хронологические рамки двух последних центров, как полагают В.С. Бочкарев и В.А. Дергачев, не представляется возможным. Считается, что Береговский тип, типы Дева и Сафаалан, являются достаточно простыми по внешнему облику, имеют архаические черты, напоминая, каменные или кремневые ножи-серпы, что может указывать на их местное происхождение (Дергачев, Бочкарев 2002). Но привлекает внимание разнообразие типов серпов Карпато-Подунавья, проработка лезвия, изгиб его кончика, ребро на спинке, нервюры (рис.3), что имеет достаточно яркие параллели в клинковом серповидном оружии Передней Азии (рис.2;4) и может, на наш взгляд, указывать на столь же раннее время их появления здесь, как и на Северном Кавказе. При этом некоторые типы могли иметь и местное происхождение. Исследователями отрицается близость «крюкастых» серпов Задунавья и Предкавказья, поскольку в первом случае крюк для рукояти был литой, а во втором – прокованным (Дергачев, Бочкарев 2002: 121). На наш взгляд, разница, проявившаяся в технологических процессах, может означать заимствование идеи подобного серпа из одного центра – Передней Азии,

реализации идеи уже была связана с местными традициями в каждом конкретном регионе.

Деятельность этих центров носила пульсирующий характер – затухание одного из них, как правило, сопровождалось активизацией другого (Бочкарев, Дергачев 2002: 307). В Северном Причерноморье проявляется воздействие нескольких центров, что находит отражение в сочетании в одном кладе разных вариантов изделий.

В дальнейшем наблюдается развитие каждого центра, выразившееся в появлении новых типов серпов, производных от предшествующих; процессы замещения типов изделий протекали асинхронно. Различным было и количество новых форм, их вариантов и подвариантов в том или ином центре. Одновременно менялись ареалы распространения серпов, происходящих с определенного региона, смещаются эпицентры обработки металлов, что было связано с общекультурным развитием регионов – перегруппировкой культур, формированием культурных блоков и пр. (Дергачев, Бочкарев 2002: 296-306).

Полагают, что серпы и косари – орудия с прямым и широким лезвием – являются достаточно специализированным орудием труда (связанным с жатвой злаковых культур и заготовкой кормов скоту), причем использующимся сезонно, на протяжении сравнительно короткого промежутка времени (Дергачев, Бочкарев 2002: 308). В то же время предполагают, что серпы (или серповидные орудия) из синташтинских памятников (исходя из их морфологического облика) связаны не с жатвой, а с деревообработкой⁵; при этом роль собственно земледелия у синташтинских племен считается

⁵ Выделено и полифункциональное серповидное орудие, которое использовалось в качестве пилы (Дегтярева 2006: 57).

очень незначительной (Епимахов 2010: 36).

На наш взгляд, имеются основания предположить, что часть металлических серпов, трактуемых как жатвенные или ремесленные орудия, вполне возможно считать оружием ближнего боя. Исследователи отмечают бурный всплеск развития военного дела в эпоху поздней бронзы, когда появляется достаточно много новых типов специализированного оружия, увеличивается его разнообразие, усложняется декор (Клочко 2006: 307). Следует обратить внимание на тот факт, что серпы были распространены в обществах совершенно разной хозяйственной направленности – и в тех, где преобладал земледельческий уклад, с присущей ему оседлостью (дунайский бассейн), и в тех, где доминировало пастушеское скотоводство, связанное с подвижным образом жизни (евразийская степь). Ручным земледелием в скотоводческих обществах занимались, как правило, женщины (Андрианов 1978). Особенно это касается подвижных скотоводов, где труд земледельца был непрестижным, мужчины пасли стада, а немногочисленные поля обрабатывали женщины, дети, старики (Калиновская 1989). К тому же экспериментальные данные (на примере трипольской культуры) подтвердили, что кремневые серпы не уступали в производительности медным (Видейко 2004: 141). Эти данные позволяют усомниться в том, что труднодоступный и сложный в добыче металл использовался для изготовления орудий, предназначенных для группы населения достаточно низкого социального статуса, для неподходящего мужчине-скотоводу (по уровню престижности) труда, и при наличии кремневого аналога. Все остальные предметы из кладов, без сомнения, связаны с мужскими и определенно

почетными занятиями – военное дело и металлургия⁶.

В погребениях серпы находят в контексте, который не позволяет соотносить умершего с социальной ролью земледельца (рис. 6). Так, в захоронениях синташтинского и потаповского типа (Костюхов, Епимахов, Непин 1995; Васильев, Кузнецов, Семенов 1992), помимо серпов, присутствуют кремневые наконечники стрел (Каменный Амбар V, 12/2; Утевка VI, к.6, п.6), костяные псалии с шипами, нож, тесло, долото (Утевка VI, к.6, п.6), украшения и керамика (Синташта, могильник С1, п. 12), ножи, шилья, тесло, украшения, керамика (Каменный Амбар V, 12/2). В меньшем количестве, чем в кладах и погребениях, серпы известны на поселениях; лишь в петровской культуре Волго-Уралья находки серпов связаны, преимущественно, с поселениями.

Некоторые серпы выделяются особенностями, которые не являются характерными (или необходимыми) для жатвенных орудий. В Волго-Уралье часть изделий, соотносимых с типом Дербедень, имели поперечный и продольный изгибы лезвия, в связи с этим предполагается, что они могли выполнять ударно-режущие функции (Дергачев, Бочкарев 2002: 99). Орудия (косы), относимые к типам Береговка и Кундрава, характеризующиеся крупными размерами массивным обликком, зачастую имели заточенное с двух сторон лезвие (Дергачев, Бочкарев 2002: 21,43). Крюкастые серпы карпато-трансильванской се-

⁶ Отметим, что и украшения, найденные в кладах с оружием, не меняют заложенного в них «мужского начала», для примера укажем, что в погребениях ямной культуры Северо-Западного Причерноморья захоронения с серебряными украшениями принадлежат исключительно мужчинам (Иванова 2001).

рии всегда имели укрепленную рельефным валиком спинку, корпус в лезвийной и рукоятной части усилены одной (реже двумя) продольными рельефными канелюрами, для среднедунайской серии характерны рельефные нервюры на рукоятях. Нервюры применяют для увеличения жесткости и устранения возможного прогиба в различных изделиях. Среди предметов вооружения (ближнего боя или дистанционного) продольная нервюра традиционна на кинжалах и длинноклинковом оружии, наконечниках копий, стрел, где она усиливает прочность клинка (лезвия).

Все эти данные позволяют нам предположить, что вкладах бронзового века серпы (по крайней мере, какая-то их часть) представляли собой не сельскохозяйственные орудия, а эффективное и оружие ближнего боя, являясь, в таком случае, органической составляющей кладов бронзового века, а не инородным дополнением. Отметим, что на торцах двух серпов из Коблевскогоклада «сделаны зазубрины ударами какого-то узкого инструмента» (Черняков 1967: 30, рис. 4; 5), возможно, серп был поврежден именно в процессе ближнего боя.

Серп является распространенным сельскохозяйственным орудием на обширных территориях земного шара. Полагают, что изогнутость является естественной, эргономичной формой инструмента (при наличии достаточно разнообразных типов), соотносенной со строением человеческого тела (рис. 2: 15,16). Тем не менее, серпы распространены как боевое оружие в различных частях земного шара. В одних странах (Филиппины, Индонезия) один и тот же артефакт, считаясь боевым оружием, тем не менее, использовался в сельскохозяйственных работах в сезон уборки. В других странах (Япония) в определенной социальной сре-

де, при недоступности элитного оружия, сельскохозяйственный серп трансформируется в боевое оружие (рис. 1: 13-16, 18, 19, 23) ⁷.

Медные или бронзовые мечи серповидной формы (с лезвием на вогнутой стороне) возникли в Месопотамии во второй половине III тысячелетия до н. э. и использовались исключительно как рубящее оружие. Отметим, что в середине – второй половине III тыс. до н.э. в Месопотамии появляются и металлические боевые ножи⁸, с изогнутым лезвием, причем отсутствие перекрестия, предохраняющего руку от соскальзывания на лезвие, привело к тому, что рукоять стали смещать в сторону спинки. Такая смещенная рукоять прослеживается на серпах Волго-Уралья, где изгиб лезвия менее выражен, чем в других регионах. Отмечают, что со стороны спинки крюк всегда является ее продолжением (Дергачев, Бочкарев 2002: 59). Это не является заимствованием, а, скорее, одинаковым решением сходной проблемы. Уже в Кише использовались бронзовые серповидные клинки (длиной до 50-60 см), с лезвием на вогнутой, внутренней стороне. К концу III тыс. до н.э.

⁷ Так возник камакобу-дзюцу — комплекс окинавских искусств владения традиционным, так называемым «крестьянским» оружием (в отличие от самурайского — меча, алебарды, секиры и т.п.). Эти искусства зародились на Окинаве в XIV веке, но основное развитие получило значительно позже, в XVII—XVIII веках. Запрет на ношение оружия людьми, не принадлежащими к сословию воинов, породил целый класс техник, рассчитанных на применение в качестве оружия различных бытовых предметов и сельскохозяйственного инвентаря. В числе прочего «арсенала» оказались такие известные сейчас виды, как наконечники трехзубых вил (саи), цепи для обмолота риса (нунчаку) или серпы для риса (кама).

⁸ Известны более ранние кремневые боевые ножи, с пышно украшенными рукоятями (Горелик 1993: 10-11).

вырабатывается «классическая» форма серповидного оружия, широко распространившегося вскоре на Ближнем Востоке. В дальнейшем появляются и становятся популярными секачи с двояковыпуклым лезвием, выделяется узкий хвост-черенок для насадки рукояти, оружие могло использоваться и как секира, и как боевой серп. Длина лезвия, имевшего ребро в центральной части, составляла около 40 см, при этом лезвие продолжалось и на внешнюю сторону⁹ (Горелик 1993: 37-38). Отметим упоминавшееся выше происхождение серпов Северокавказского центра от серпов куроаракской культуры, что позволяет видеть их получение (или заимствование) из Передней Азии. Не исключается переднеазиатский импульс и для серпов Карпато-Балканского региона, связи этих территорий прослеживаются с эпохи неолита. Некоторые экземпляры серпов из Кавказского и Карпато-Балканского регионов имеют выступы на спинке, возможно, являющиеся трансформацией ребра, традиционного на лезвии месопотамского секача.

В начале II тыс. до н.э. этот вид оружия из Месопотамии воспринимают Сирия и Палестина, Полагают, что оно было весьма эффективным, в дальнейшем оно получило значительное распространение и существовало долго: в Палестине древнейший экземпляр секача, найденный в Сихеме, датируется XIX в. до н.э., ряд других, почти идентичных ему XIV–XII вв. до н.э. (Мерперт 2000: 267-268). По предположению М.В. Горелика, это оружие было принесено на запад от Месопотамии сутийскими племенами, с которым связано движение древних евреев из Южной Месопотамии в

⁹ Здесь уместно вспомнить упоминавшееся выше серповидные изделия из Волго-Уралья (типов Береговка и Кундрава), с заточенным с двух сторон лезвием.

Палестину (Горелик 1993: 38, табл. XVIII, 19, 20, 30, 31, 32, 48). Мечи серповидной формы держат в руках 12 божеств подземного мира, изображенных в хеттском святилище Yazilikaya, на нем боги экипированные как воины, возглавляют и ведут войско в битву, покровительствуя в бою (Bruce 2007: 16). Е.Н. Черных отмечает их сходство со срубными «секачами» (Черных 2004: 248), однако длинная рукоять и весь облик изделия, скорее, сближаются с формой классического египетского хопеша. В 1991 г. близ Львиных ворот в столице хеттского царства Hatussa были обнаружены серповидные мечи, являющиеся, исходя из содержания найденной надписи, приношением правителя Tudhalyia (XIV в. до н.э.) божеству Storm в честь победы над страной Assuwan (Bruce 2007: 16).

Клинки серповидной формы известны на территории Северной Сирии (их изображения встречены на хурритских и митаннийских печатках), откуда они попадают в Египет. После владычества гиксосов секач получает распространение в Египте, где он известен под названием хопеш, причем встречаются его различные типы – с заостренным и косо обрезанным концом, с широким или тонким клинком. Сперва хопеш являлся царским церемониальным оружием, он находится в руках фараона на всех изображениях Нового царства, а со временем, с середины II тыс. до н.э., становится широко распространенным массовым оружием, сочетавшим в себе рубящие, режущие, колющие функции. На рельефах времени царствования Рамсеса II изображен фараон в ритуальной позе, поднимающий руку, чтобы ухватиться за протягиваемый ему богом серповидный меч «хопеш»; а вот длинные мечи имели чужестранные наемники «ширдана» с Севера.

Именно популярность серповидного оружия на Востоке препятствовала появлению и распространению там мечей. Только с первых веков I тысячелетия до н.э. серповидное оружие на Ближнем Востоке вытесняется мечом, хотя все еще используется (например, в Ассирии) как ритуальное парадное оружие. Изогнутые однолезвийные клинки (с заточкой клинка с выгнутой стороны) использовались в Ахеменидском войске, в чем, полагают, сказалось влияние традиции Северной Сирии, они становятся характерным оружием позднеахеменидской конницы (Горелик 1993: 38-40).

Греческую махейру (копис) принято считать производным от хопеша. Это – односторонний слабо изогнутый меч с внутренней заточкой, бытовавший примерно в то же время, что и персидские серповидные мечи. В самой Греции был не особенно распространен, но с VI–V вв. до н.э. распространяется в Иберии, откуда был заимствован римскими солдатами после войны с Ганнибалом как «*gladius hispanicus*», то есть испанский меч, и только в XIX в. «испанский меч» получил название фальката (*falcata* или *falcata iberica*). Ранние образцы фалькаты являются повторением греческого кописа, в дальнейшем видоизменяется рукоять оружия, становясь менее массивной. Ширина клинка кописа/фалькаты расширяется по направлению к кончику, вследствие этого центр тяжести смещается (на удаление от руки), а кинетическая энергия удара увеличивается.

Отметим подобное расширение лезвия на серпах Волго-Уральского региона (рис. 1: 1).

В отличие от кописов, клинки многих фалькат имели заточку передней (ближней к острию) трети обуха. При завоевании Македонии в конце III в. до н. э. римская кавалерия имела на вооружении «ис-

панскую саблю», удар которой не только не выдерживал никакой шлем, но зачастую был смертельным. Древнеримский историк Тит Ливий так описывает последствия боя: «Филипп¹⁰ обратил особое внимание на похороны людей, павших в стычке кавалерии, и приказал их тела принести в лагерь... Зрелище похорон должно было пробудить в солдатах боевой пыл и готовность не щадить своей жизни, а вместо того преисполнило их страха и уныния. До сего времени приходилось им видеть лишь раны от дротиков или стрел, изредка — от пик, да и воевать привыкли они только с греками и иллирийцами; теперь, увидев тела, изуродованные испанскими мечами, руки, отсеченные одним ударом вместе с плечом, отрубленные головы, вывалившиеся наружу кишки и многое другое, столь же страшное и отвратительное, воины Филиппа ужаснулись тому, с какими людьми и против какого оружия придется им иметь дело» (Тит Ливий 31.34).

Серповидные клинки встречаются в VII–VI вв. до н.э. в Волго-Камье, в VI в. до н.э. на Северном Кавказе, они известны в V–IV вв. до н.э. у савроматов (Горелик 1993: 40). Боевой серп использовали фракийцы в V–IV в. до н.э., наряду с ним они использовали *rhomphaia*, оружие очень похожее на двуручное серп¹¹ но гораздо менее резко изогнутое. *Rhomphaia* имели длинное, как у копья, древко (размером не менее клинка), изогнутое (иногда прямое) одностороннее лезвие (Schmitz 2005). Серповидный меч был известен у даков, он упоминается как *ensis falcatus* (*falcatus* – серповидный, лат.) в «Метморфо-

¹⁰ Македонский царь Филипп V.

¹¹ Т.е. такой, который следовало держать двумя руками из-за его массивных размеров.

зах» Овидия и как *falx supine* в «Сатирах» Ювенала. (Wilcox, Embleton 1982: 35). Даки имели боевые серпы двух видов – меньших размеров, одноручные и крупные, двуручные. Короткий вариант на языке даков назывался *sica*, т.е. серп (Valerius Maximus III 2.12). Длина лезвия обычно составляла около 40 см), рукоять была на 1/3 длиннее лезвия. (Wilcox, Embleton 1982: 35). Сохранились изображения даков, вооруженных серповидным мечом (рис. 4: 24-27). Наиболее известными являются фриз-барельеф на «колонне Траяна» в Риме (рис. 4: 25), воздвигнутой в 113 г. н.э. в честь побед Траяна над даками (Cichorius 1896: Taf. LXX), мотопы с военными сценами на *Trophaeum Traiani* близ Констанцы (рис. 4: 26,27), сооруженном в честь римского императора Траяна между 106 и 109 г. н.э. в память римской победы над даками в 102 г. н.э. (Florescu 1965). На т.н. денарии Траяна (рис. 4: 24) на оборотной стороне изображен поверженный дак, сидящий на щите, рядом с ним лежит небольшой серповидный меч (Schmitz 2005).

Во II–I тыс. н.э. серповидные мечи по-прежнему находятся на вооружении в Европе и на других континентах. Интерес представляет погребение воина, найденное у местечка Экриттен в Восточной Пруссии (ныне Калининградская область) и датированное около 1000 года или первой половиной XI в. н.э. (рис.6: 3). При костяках человека и коня были найдены древнерусский шлем, три наконечника копья (два имели на тулье платировку серебром с плетеным и геометрическим орнаментом), серп, точило, нож, шило, остатки ведра и фрагменты блюда, а также удила, два стремя, шпора (Жирпичников 2009). Таким образом, контекст находки позволяет нам отне-

сти этот серп к категории боевых. В европейском средневековом трактате о воинском искусстве¹² «*De arte athletica*» (автор Paul Hector Mair), которые датируется около 1550 г, есть раздел, демонстрирующий основные приемы ведения боя серпом и косой (рис. 5: 1-8). Правила и наличие определенной тактики свидетельствует о том, что этот вид оружия имел распространение в Европе в средние века.

Считается, что родоначальником серповидных клинков были бытовые, сельскохозяйственные инструменты — серпы и ножи. География распространения серповидных ножей очень широка: Европа, Азия, Ближний Восток, Африка, где серповидные ножи, тесаки и мечи использовались повсеместно, и по сей день многие народы их используют в хозяйственных целях. Приведенный в Приложении краткий каталог позволяет составить представление о некоторых видах серповидного оружия, происходящем с различных регионов. Он не является полным и исчерпывающим, тем не менее, дает представление о наличии и распространении этого типа оружия, его различных вариантах.

Серпы из кладов бронзового века находят аналогии в оружии различных культур и народов, вплоть до современности, что совершенно не связано с заимствованиями, но является аргументом в пользу их боевого назначения. Тем не менее, сопоставление серпов двух центров — Северо-Кавказского и Балкано-Карпатского с серповидным оружием Передней Азии и Северной Африки позволяет предположить возможность заимствований, вероятно, как прямых, так и опосредованных

¹² Трактат имеет два тома, хранится в Баварской государственной библиотеке <http://codicon.digitale-sammlungen.de/Band>

(рис. 2; рис. 3; рис. 4). Связи европейского населения с Передней Азией достаточно четко фиксируются в раннем бронзовом веке, в самом его начале. Традиционно полагают, что в это время основные нововведения в Центральную-Восточную Европу, ассоциированные с культурой Баден, происходят из Анатолии, Леванта и Юго-Восточной Европы. Скорость распространения инноваций на огромной территории позволила исследователям предположить, что технологическая революция распространялась в двух направлениях одновременно.

— из Западной и Центрально-Восточной Европы. За этим направлением уже закрепился термин «Badenization»,

— из Юго-Восточной Анатолии сквозь Европу в связи с экспансией Урука (вынужденные эмигрировать «беженцы» из Трои II–V).

Считают, что два направления пересеклись в ареале Карпатского бассейна (Horvath et al. 2008: 455).

С другой стороны, ассортимент бронзовых изделий в т.ч. «кинжалы анатолийского типа») позволил Л. Николовой включить усатовскую культуру в наиболее ранний бронзовый горизонт западнопричерноморского ареала, наряду с культурой Хотница-Водопада (Балканы) и памятниками Pîrînar IV и Kurguşu 6A–6 в Северо-Западной Анатолии (Nikolova 2005: 92).

Для позднего бронзового века и начала раннего железного века (раннегалльштаттский период) предполагаются длительные торговые связи между Карпато-Дунайским регионом и культурами Эгейского мира, в частности, морская торговля вдоль побережья Черного моря через Добруджу вплоть до Трансильвании (Кашуба 2011: 55)

Возможно, однажды возникнув, культурные связи, меняя интенсивность, не прерывались окончательно,

но, что способствовало в среднем и позднем бронзовом веке восприятию нового вида оружия – боевых серпов и серповидных мечей. Двойная изогнутость лезвия на некоторых экземплярах серпов из Карпато-Дунайского региона (рис. 3: 3,14,15,16) отчасти напоминает серповидное оружие Древнего Востока (хопеш в различных его вариантах) и махейру-копис (рис. 2: 2-13; рис. 4: 6-18). Некоторые серпы Карпато-Дунайского региона достаточно необычных округлых очертаний (рис. 3: 4,17), тем не менее, и такой вариант известен в Ассирии (рис. 4: 15,16). Четко выраженное ребро на клинках хопеша или секача (рис. 4: 1-5, 10-13), возможно, трансформировалось в ребро на спинке серпа (рис. 3: 8,9,11). Известны в трех регионах (Передняя Азия, Северный Кавказ, Балкано-Карпатский ареал) и серпы с «черенками-крюками»¹³ (рис. 2; 3).

Сопоставления можно было бы продолжить, но не поиск аналогий является целью данной работы, тем более, что сходные типы разделены во времени и пространстве, скорее, маркируя общие тенденции развития нового вида вооружения, при особенностях его в различных регионах.

Подводя итоги, отметим, что серповидное оружие не является и никогда не являлось чем-то исключительным, хотя оно и не привлекло пока достаточное внимание исследователей бронзового века Восточной и Юго-Восточной Европы при реконструкции комплекса вооружения и характера войска (несмотря на то, что именно клады, где серпы широко представлены, явля-

¹³ Эти крюки являлись не насадом для рукояти, а ее фиксатором: длинная рукоять в серпах такого типа размещалась перпендикулярно лезвию (рис. 1, 13-16, 19, 23; 3, 2), а не так, как на современных серпах (рис. 2, 15).

ются основным источником для подобных реконструкций). Серп у многих народов мог иметь двойное назначение (бытовое и боевое), при доминировании военной функции под него разрабатывалась техника боевого применения, в дальнейшем серп мог совершенствоваться именно в военном направлении и, в итоге, превратиться в грозное оружие. Крупные экземпляры могут соотноситься с разновидностями этого оружия — двуручными серповидными мечами и длиннодревковым серповидным оружием.

Определение функции части серпов — в контексте кладов — как оружия ближнего боя дает основание видеть в кладах не скопление предметов разнообразного функционального назначения, а наборы вооружения (с которыми органично связаны украшения, часть из которых является защитным доспехом). Проявляется в таком случае возможность соотнесения кладов с военной структурой социума, а депонированные артефакты дополняют общий семантический смысл клада как текста — в дискурсивном аспекте, т.е. как связанной последовательности знаков. Здесь уже на передний план выступает контекст как признак дискурса: он акцентирует внимание на противопоставлении того, что «сказано», и того, что имелось в виду, т.е. на ситуацию общения (коммуникации), отраженную в функциях и символике артефактов.

Иная (производственная) трактовка функции серпов нарушает связи, разрывая социокультурные коммуникации. Рассмотрение кладов эпохи бронзы как целостного явления позволяет подойти не только к вопросам их интерпретации, но и к некоторым аспектам реконструкции мировоззренческих систем древних обществ эпохи бронзы.

В заключение отметим особое

значение серпа в некоторых библейских текстах, его высокий семиотический статус, проявляющийся во взаимосвязи утилитарных и символических функций. В приводимом ниже отрывке третьего видения из 14 главы¹⁴ Откровений Иоанна Богослова (Апокалипсис), как полагают, изображаются суды, которыми совершится разрушение духовного Вавилона под эмблемой жатвы и выжимания винограда (Откр. 14: 14-20).

«14. И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп.

15. И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела.

16. И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата.

17. И другой Ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом.

18. И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп твой и обрежь гроздь винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды.

19. И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия.

20. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий».

¹⁴ В главе 14 содержится описание трех видений.

КРАТКИЙ КАТАЛОГ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ СЕРПОВИДНОГО ОРУЖИЯ

(по : Трубников, 1997; Tiggy, 2003; Краткая энциклопедия оружия; Музей истории оружия, Украина, Запорожье¹⁵)

АДЪЯР КАТТИ (Юго-Западная Индия). Кинжал с коротким тяжелым клинком, изогнутым вперед.

АРИТ (Малайзия) — боевой серп с широким наконечником и рукоятью для обеих рук.

БАДИК (Индонезия) — вид кинжала с индонезийского острова Сулавеси (Целабос) с клинком длиной 125-175 мм, с череном, расположенным под прямым углом к клинку.

БОЛО (Филиппины) — нож, похожий на большой кхукри.

ГЭ (Китай) — клевец в виде журавлиного клюва. Возник в Иньский период и до конца периода Чуньцю, изготавливался из бронзы, начиная с периода Чжаньго — из железа.

КАМА (Япония). Обобщенное название боевого японского серпа — кама (ОГАМА — Кама на длинной рукояти). Представляет собой короткое изогнутое лезвие, насаженное на короткую рукоять перпендикулярно ей. Он более похож на косу, чем на серп. Его прототипом был сельскохозяйственный инструмент — серп для уборки риса, который приобрёл боевое значение после аннексии Окинавы Японией и ввода запрета на традиционное холодное оружие (катана-гари). Самым распространенным из оружия такого рода был серп на длинной рукоятке — наикама. Общая длина боевого серпа наикама (в некоторых источниках — наигама) составляла около 75 см, из которых 45 см приходилось на деревянную рукоятку. При-

меняется подобно европейскому клевцу, но благодаря наличию лезвия может ещё рубить и резать, наиболее эффективно в ближнем бою. Также возможно применение в качестве метательного оружия. Длина рукояти кама 15-60 см, а длина лезвия — 15-30 см. Позже каму снабдили длинным «копейным» древком и стальным наконечником в виде полумесяца. Называлось такое оружие ГЭККЭН и использовалось в основном против конных воинов.

КУСАРИКАМА (КУСАРИГАМА) (Япония). Представляет собой стальной серп, закрепленный на деревянной рукоятке, обмотанной в верхней части веревкой. Возможно, использовался в полиции. К клинку прикреплена стальная цепь, оканчивающаяся стальной гирей округлой формы. Относится к периоду конец Эдо — начало Мэйдзи. Мог быть совсем миниатюрным, чтобы его можно было прятать в одежде. Он имел рукоять длиной от 12 до 15 см, лезвие около 10 см, цепь около 1 м с грузиком на конце. Обычно цепь крепилась к ручке с той же стороны, что и лезвие. Другие варианты встречаются реже. Использовался такой серп не только в качестве оружия, но и как вспомогательное средство для лазания по деревьям, стенам, крышам и т.д.

КОСА БОЕВАЯ сформировалась как основное оружие крестьянской пехоты, легко перевоплощаясь из бытового предмета в оружие. Ис-

¹⁵ Благодарю организатора частного Музея истории оружия Шлайфера Виталия Григорьевича за разрешение использовать иллюстрации с сайта музея <http://museummilitary.com/ru/>, а также возможность ознакомления с его личной библиотекой.

пользовалась запорожскими казаками в период национально-освободительной войны украинского народа (XVII в.), а позже, в XVIII в., оружием крестьянских повстанцев-гайдамаков. Украинское казацко-крестьянское войско применяло боевые косы в знаменитой битве под Берестечком 1651 г. В России боевая коса также была известна в XVII–XVIII вв., ее употребляли крестьяне в период восстаний под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. Кроме того, и украинское и русское крестьянство применило боевые косы во время партизанской войны против наполеоновских солдат в 1812 г.

КСХУКРИ (Непал) — национальное оружие жителей Непала в виде ножа малой кривизны с обратной заточкой. Может использоваться как боевой нож, так и для прорубания дороги в джунглях. Есть много теорий происхождения непальских клинков, одна из них ставит в родоначальники египетский серповидный меч хопеш (khopesh). Был на вооружении в индийской армии во время 2-й мировой войны.

ЛОХАР (Афганистан) топор-кинжал с изогнутым лезвием, используемый в 19 веке вместо меча. Особенностью являлось то, что каждый мужчина изготавливал себе оружие сам, поэтому двух одинаковых экземпляров практически не существует.

НАГИНАТА (Япония) — японский вариант алебарды с наконечником в виде широкого сабельного однолезвийного клинка, загнутого на конце. Изначально использовалась простыми пешими воинами в основном для подсечения ног лоша-

дей. Впоследствии нагината, искусно выполненная и богато инкрустированная, появляется у знатных всадников, а с XVII в. становится женским оружием.

РАМ ДАО (Непал и Северная Индия) — меч, который применяли для жертвоприношений животных.

РЕНТДЖОНГ (Индонезия) — индонезийская разновидность кинжала с однолезвийным или безлезвийным прямым клинком с острием от 75 до 250 мм длиной и череном, расположенным перпендикулярно клинку. Удары рентджонгом могут наноситься как рукой, так и ногой. В последнем случае черен рентджонга зажимается пальцами ноги.

СЕРП БОЕВОЙ — холодное клинковое режущее оружие, трансформировавшееся из сельскохозяйственного серпа. Изначально служило для подсечения ног у лошадей. Состоит из черена и сильно изогнутого клинка с внутренним лезвием.

СЕМАК УДАНГ (Малайзия, Индонезия) — кинжал с S-образным клинком.

СКЛАДНОЙ БОЕВОЙ СЕРП (Индия, 19 в.). Клинок однолезвийный серпообразный, заточен с вогнутой стороны, со стороны обуха имеет декоративную насечку.

ТАЛВАР — индийская сабля с полусторонней заточкой

ТОЭЙ НОБОРИГАМА (Япония) — боевой серп длиной 1700 мм с клинком в виде наконечника топора с лезвием по нижней части.

ЦЕЛУРИТ (Индонезия) — разновидность боевого серпа с индонезийского острова Мадур. В повседневной жизни используется как сельскохозяйственное орудие.

Литература

- Авилова Л.И. 2007. Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век) состояние проблемы и перспективы исследований // Вестник РФФИ. №2 (52). М.
- Андрианов Б.В. 1989. Земледелие ручное // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С. 1984. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребальных комплексов) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К.
- Байбурин А.К. 1981. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XXXVII. М.–Л.
- Байбурин А.К. 1990. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Л.
- Балагури Э.А. 1985. Поздний период эпохи бронзы // Археология УССР. Т.1. К.
- Барт Р. 1994. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.
- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. М.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенов А.П. 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. № 1.
- Відейко М.Ю. 2004. Хліборобство трипільських племен // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т.1.
- Горелик М.В. 1993. Оружие древнего Востока. (IV тыс. – IV в. до н.э.). М.
- Давня історія України 1997. (Отв. ред. П.П. Толочко). Т.1. К.
- Дегтярева А.Д. 2006. Металлические орудия труда Синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 7. Тюмень.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.
- Дергачев В.А. 2011. К проблеме периодизации кладов поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья // Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Северной Евразии. С–Пб.
- Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2010. «Странные комплексы» о семантике предметов и памятников в целом // Стратум плюс. № 3.
- Евангелист Иоанн 2011. Откровения // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.
- Епимахов А.В. 2010. О синташтинском земледелии (бронзовый век Южного Урала) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (13).
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1974. К проблеме функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Вып 1 (5).
- Иванова С.В. 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Калиновская К.П. 1989. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX веках. М.
- Кашуба М.Т. 2011. Днестровско-Прутское междуречье как локальный центр перехода к раннему железному веку в Северном Причерноморье // Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Северной Евразии. С–Пб.
- Кирпичников А.Н. 2009. Раннесредневековые золоченые шлемы. С.–Пб.
- Клочко В.І. 1990. «Народи моря» та Північне Причорномор'я // Археологія. №1.
- Клочко В.І. 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). К.
- Ковалевская В.Б. 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Костюхов В.П., Епимахов А.В., Непин Д.В. 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Краткая энциклопедия оружия // <http://www.medieval-wars.com/armory/weapons.html>

- Куштан Д.П. 2011. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Северной Евразии. С–Пб.
- Литвиненко Р.О. 2009. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): авто-реф. дис... д-ра іст. наук. К.
- Лысенко С.Д. 2002. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной лесостепи // Исторична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнарод. наук. конф. Луганськ.
- Макаров М.Л. 2003. Основы теории дискурса. М.
- Мерперт Н.Я. 2000. Очерки археологии библейских стран. М.
- Моця О.П., Халіков А.Х. 1989. Нові дослідження шляху з Булгара в Київ (попереднє повідомлення) // Археологія. №4.
- Музей истории оружия. Запорожье – <http://museummilitary.com/ru>
- Ригведа 1989–1999. (В 3 т.). М.
- Степанов Ю.С. 1995. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.
- Тит Ливий 1989–1993. История Рима от основания города. Кн.3. М.
- Трубников Б.Г. 1997. Большой словарь оружия. М.
- Отрощенко В.В. 1995. Пути обмена — пути миграций // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы украинско-российского полевого археологического семинара. С. Капитаново 13-14 июля 1994 г.). Луганск.
- Цимиданов В.В. Кравченко Э.Е. 1989. Новая находка серпа Кабаковского типа на среднем Донце // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Черняков И.Т. 1967. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО. Вып. 2 (35). Одесса.
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. К.
- Черных Е.Н. 2004 (ред). Каргалы. Т. 3. М.
- Bryce T. 2007. Hittite Warrior. Oxford.
- Chernykh E.N. 1992. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge.
- Cichorius C. 1896. 1988. Die Reliefs der Traianssäule. Berlin (1896)—Gloucester (1988).
- Florescu F.B. 1965. Das Siegesdenkmal von Adamklissi. Tropaeum Traiani. Bukarest–Bonn.
- Horvath et al.: Horvath T., Svingor E., Molnar V. 2008. New radiocarbon dates for the Baden culture // Radiocarbon. №50 (3). <http://www.archeo.mta.hu/hun/munkatars/horvathtunde/radiocarbon.pdf>
- Kemenczei J. 1984. Die Spatbronzezeit Nordsungarns. Budapest.
- Nikolova L. 2005. Social changes and cultural interactions in later Balkan prehistory later fifth and fourth millennia cal BC // RPRP. № 6–7.
- Petrescu-Dimbovita M. 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Bucuresti.
- Schmitz M. 2005. The Dacian threat, 101–106 AD. Armidale.
- Mair Paul Hector «De arte athletica» // <http://codicon.digitale-sammlungen.de/Band>
- Tirri A. 2003. Islamic Weapons: Maghrib to Moghul. Miami.
- Wilcox P., Embleton G. 1982. Rome's Enemies: Germanics and Dacians. V. 1. London.

SUMMARY

Metal sickles are one of the major categories of artifacts in the deposits of Middle and Late Bronze Age in South-Eastern Europe. Traditionally, they are referred to agricultural implements. Researches of sickles from the position of semiotics, with the ethnographic parallels, give a possibility to suppose the use them as military weapons.

